

В землянке

Проведи вечер в землянке с героями Великой войны

A photograph of a long, straight road covered in snow, flanked by snow-laden evergreen trees. The sky is a soft, pale pink and blue, suggesting a sunset or sunrise. A street lamp is visible on the right side of the road.

12+

Л. Р. Киракосян

Лиана Рафиковна Киракосян

В землянке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67898397

SelfPub; 2022

Аннотация

Война – это не только тяжелые бои, опасные диверсии и подвиги героев, пожертвовавших собой ради счастливого будущего грядущих поколений. Это еще и обыкновенные, спокойные вечера, проведенные в землянках между боями. Хотелось бы Вам оказать в одном из таких и увидеть собственными глазами этих людей, узнать их судьбы, и услышать, о чем они говорят и думают? Тогда этот рассказ для Вас. В нем рассказывается о самом обычном вечере в самой обычной землянке во время самой жестокой и беспощадной войны.

Лиана Киракосян

В землянке

– Я вправо, и он вправо! Я влево, и он влево! Ну, думаю, попал ты, браток. Подстрелит, как пить дать! Считай, и сам пропал, и снаряды загубил... – торопливая речь, подкрепленная волнением и свойственная всем людям астраханской области, вылетала из уст молодого бойца с невероятной скоростью. Порой, собеседники его не разбирали и половины слов, которые солдат произносил с замиранием сердца, будто вновь проживая то, что рассказывал. – Я со страху педаль вдавил и не отпускаю, нога как приросла к ней! И гоню во всю железку... Мама родная, так испужался, что потом весь взошел, со лба течет, ничего не видать, тут еще шапка, будь она неладна, из-за тряски на глаза лезет... Кошмар, да и только.

– Ты, Олександр, трохи повильнише, я и без того вас москалей через раз розумию, ты ще тараторишь, – не выдержав таких речевых ребусов, украинец Петро Михиенко, решил усмирить речь взволновавшегося друга.

– Не, ну ты глянь на него! Три года с ним в одном взводе служим, можно сказать, с одной миски кашу едим, одних вшей делим, а он все «москали», да «москали»! Ну, что за человек ты, Петро! Я вообще из Вологды, что же теперь? – любил Андрей Ромашин повздорить с этим украинцем с са-

мого начала войны, как только их в один взвод определили. Делал это по-дружески, от скуки, считая Михиенко одним из лучших своих товарищей.

– Ну, ты не серчай, Андрий, я це так, за звичкою, – с доброй улыбкой оправдывался Петро, штопая порванную в бою гимнастерку.

– За кем? – по землянке прокатилась волна смеха.

– Як диды говорили, так и я говорю! – в словах Петро прозвучало раздражение.

– Ну, будет вам! Что там дальше-то было, Сань? – кто-то из глубины землянки прервал эту утомительную перепалку, с нетерпением ожидая продолжения истории.

– Ну, так вот, думаю, что ж делать? Куда деваться? А нога давит на педаль, и все тут! Ну, я, значит...

Зима только начинала радовать своими прелестями, но мороз уже стоял крепкий, а снег припорошил землю сантиметра на три, поэтому взвод полным составом сумел разместиться в низкой, но широкой землянке. С утра еще стоял туман, поэтому к вечеру от мороза ветки деревьев покрылись толстой коркой льда. Лишь в глубине пролеска можно было найти сухой хворост. Снег шел и сейчас, медленно, но огромными хлопьями, похожими на лебединый пух. Смеркалось, небо затянуло серыми тучами. Еще днем взвод вел бой с противником, разбив шесть вражеских танков. Настало затишье.

Из пролеска к землянке в полуприсяди пробирался боец

с хворостом в руках. Сорок минут потратил он на то, чтобы найти сухое дерево и принести взводу средство отопления. Тихо пробрался он к часовому, спустился в окоп и уже легким шагом направился к месту собрания солдат. Самому ему было на вид лет 17, чернявый паренек с курчавым чубом, который еще вчера состригли ему из-за обилия вшей во всем взводе. Парень он был разговорчивый, смешливый, да только было ему неловко, такому молодому, среди бывалых бойцов шутки свои травить. Сильнейшее уважение он к ним испытывал, боялся слово лишнее сказать.

Открыв дверь землянки, молодой боец услышал взволнованную речь сослуживца. Он подошел к буржуйке, свалил ветки подле нее, дабы просушить немного, расстегнул шинель и приземлился рядом с одним из солдат, который старательно скручивал сигарку.

– И тут мне в голову идея приходит. Я опомнился, ногу с газа снимаю, и по тормозам! А этот на своей железяке дальше полетел! У него-то так в воздухе замереть не получится. Ну, я, пока он разворачивался, в пролесок ушмыгнул и через него на другую дорогу выехал и по ней уже спокойно снаряды доставил. Опоздал, чутка, но ладно уж... – Александр спокойно выдохнул после такой эмоциональной истории. Все в землянке чудесному спасению удивились и потрясенно закачали головами.

– Да, Саша, и любит же тебя Господь-Бог... Видно, большие у него на тебя планы.

– Интересно, Виктор Вениаминович, с каких же пор у нас коммунисты в Бога уверовали? – Андрей, сидевший рядом, попивая из алюминиевой кружки чай, все не унимался от скуки. – Ведь вы коммунист?

– Коммунист, – подтвердил профессор Ленинградского Государственного университета, выпрямляясь. – Да только война-поганка. И не в такие рассказы заставит поверить, – Ромашин, желавший повеселиться, от такого аргумента лишь губы поджал, понимая, что верно ученый говорит.

Землянка погрузилась в тишину. Эти слова Виктора Вениаминовича заставили задумать всех о чем-то своем, личном. Вот у печки греется Артур Манукян, который провел ползком пять часов, соединяя оборванные линии связи. На этой войне он был частым гостем в госпиталях, все его тело изрешечено фашистскими пулями. И думает он сейчас лишь о том, как там его отец, работающий врачом? Жив ли еще? А вот помешивает кашу на весь взвод Толик Комиссаренко. На войне он лишился дара речи. Он одним из первых защищал страну в Бресте, а когда из его роты в 117 человек осталось 8 ребят, он перестал говорить. С тех пор обходит его смерть. Но долго ли будет ходить вокруг да около? Одной ей известно. Петро Михиенко лишился семьи: жены и двух дочек. Немцы пришли в их хутор летом. Некоторые местные жители встречали их хлебом и солью, пытаясь «задобрить», тем самым спасти себе жизнь. А эти нелюди и хлеб поели,

и молочком кисленьким запили, а после весь хутор в амбар загнали и заживо сожгли. Нет с тех пор в Петре ни жалости, ни слез. Андрею повезло больше остальных. И семья у него жива, и отец служит, и с любимой связь поддерживает. Такие она ему письма пишет, что иной раз сядут ребята вокруг Андрея, станет он им вслух читать, и кажется им: кого-то мама ласково обнимает или жена тепло прижимается. Тут уж кто кого представит. Тепло становится, будто невеста Ромашина каждому по письму написала, а не одному Андрюшке. Один Санька в этот момент никого не представлял. Вырос он в детском доме, некому ему было писать, никто его не ждал. По началу обидно ему за это было, а когда сослуживцы его начали получать известия о смерти родных, радоваться начал тому, что сам он такого на войне уж точно не испытает, видя их сломанные судьбы и налитые болью глаза. Одно только заботило его в 1942, когда взвод к Дону стал отходить. Боялся Саша, что в Сталинград немцев пустят. Очень уж ему этот город нравился, любил его. А когда фашистов оттуда выгнали, боялся, что руины, оставленные противником, восстанавливать не будут. Сердце кровью обливалось, когда видел он некогда красивый, растущий, молодой город полуразрушенным.

Тяжелая тишина давила со всех сторон. Андрею она не нравилась, как и не нравились поникшие лица товарищей, поэтому молодой человек решил взбодрить ребят.

– А что, братцы, не спеть ли нам песню, а? – задорно ух-

мыльнувшись, спросил Ромашин.

– А что, можно! – поддержал его Санька.

– Артур, запевай!

– И-и-идит-т-те в-в-вы к-к-к... – зубы прозябшего до костей связиста стучали так, что не давали выговорить ни слова.

– Ну, ладно-ладно, не продолжай, продрог ты, знаем мы, куда послать хочешь. Давай Антип, спевай!

Антип с радостью повел песню своим чистым тенором. Он до жути любил петь, война не дала талантливому парню закончить консерваторию, поэтому он частенько был запевалой среди бойцов.

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой.

Выходила на берег Катюша,

На высокий, на берег крутой.

И только хотели бойцы подхватить полюбившуюся всем песню, как прервал их недовольный выбором песни Андрей:

– Песня, конечно, хороша, спору нет. Да поднадоела уже слеганца...

– Тьху ты, чортяка, тыльки ж спиваты почалы, шо ж ты за людына така! – рассердился на Ромашина Петро, да так, что шитье свое в сторону отбросил.

– Ты не злись, не злись, Петенька. Вон у нас новенький сидит, – шаловливый взгляд его упал на молодого бойца. Тот поднял на него свои удивленные глаза. – Степан! Ты ж у нас

с Дону, вроде?

– С Дону, – с улыбкой согласился Степа. Любил он свой край и скучал по вольным степям до боли в сердце. Каждое упоминание великого Дона радостью отдавалось в нем.

– Никак, казак?

– Казак, – подтвердил молодой человек, выпятив грудь вперед и расправляя плечи.

– А ну-ка, казачок, спой-ка нам чего-нибудь своего, народного! – подначивал его Андрей.

– Да я не умею, – парень застеснялся, опустил голову к рукам. Пел он только в компании, боялся голоса своего, когда в одиночку запевал.

– А кто у нас умеет? Антип, разве что... Так он с образованием. Пой! – Андрей всегда умел людей провоцировать на интересные вещи. Солдаты поддержали Андрея, и по землянке гулким эхом пронеслось «пой, запевай, не стесняйся».

Степан оживился, в глазах его заиграл задор, закипела кровь, на губах растянулась широкая улыбка. Он встал в середину землянки, немного прокашлялся и повел песню своим глубоким и приятным голосом, наполненным любовью к родной песне.

Как за чёрный Терек, как за грозный Терек,

Ехали казаки сорок тысяч лошадей.

И покрылось поле, и покрылся берег

Сотнями порубанных, пострелянных людей.

Любо, братцы, любо,

Любо братцы жить...

Степан обвел глазами людей, заполнивших землянку. Они сидели тихо, внимательно вслушиваясь в песню. Казачок слегка растерялся, не мог разобрать реакции бойцов: его окружали серьезные, вдумчивые лица. Андрей заметил волнение Степана и решил его поддержать:

– О, так эту песню и мы знаем! Запевай, ребята!

С нашим атаманом не приходится тужить.

Любо, братцы, любо,

Любо братцы жить.

С нашим атаманом не приходится тужить.

Песня широко разливалась по землянке, наполняя ее грубыми мужскими голосами. Вдруг солдаты запели так громко, что часовые, стоящие на своих позициях, услышали ее и стали тихонько подпевать. Еще долго бойцы пели, отводили дух после боя с помощью музыки. Не помешала бы гармонь, конечно... Но и без того песня лилась ручьем, восстанавливая солдатские силы. Так продолжалось до тех пор, пока взвод не решил укладываться спать.

Наступила тишина. Каждый думал о своем: «эх, как там моя дряля?», «сейчас бы в Астрахань, раков побродить», «молитв не знаю, от сердца прошу: Господи, сохрани отца!», «домой приеду, первым делом Дону поклонюсь»... Как ценны на фронте минуты затишья и радости, когда можешь просто так, ни о чем поговорить с боевым товарищем! А завтра снова в бой. За своих родных! За Родину!